

Н. И. ПИРОГОВЪ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Н. И. Пироговъ родился въ Москвѣ 13 ноября 1810 г. Его отецъ—чиновникъ провинціалнаго склада—былъ членомъ въ со средствами и достаточно развитой для своего круга; его мать была набожная женщина, преданная интересамъ семьи. Семья Пироговыхъ была большая: 14 дѣтей, изъ которыхъ Николай Ивановичъ былъ предпоследній. Дѣтство Н. И. протекало безмятежно; былъ достатокъ, семья жила дружно, а самъ Ник. Ив. былъ общими любимцемъ семьи. До самой глубокой старости Ник. Ив. сохранялъ яркія воспоминанія о своемъ дѣтствѣ. Грамота далась Никол. Иван. легко: почти играючи, научился онъ читать по тѣмъ картинкамъ на французскій, которыя въ то время во множествѣ еще ходили въ народѣ.

Научившись читать, Ник. Ив. съ жадностью поглощалъ дѣтскія книги и особенное впечатлѣніе произвело на него „Дѣтское Чтеніе“ Карамзина. Между прочими играми дѣтства въ памяти Никол. Ив. сохранилась „игра въ лѣкаря“, имъ самимъ выдуманная. Его старшій братъ страдалъ ревматизмомъ и болѣзнь не уступала лѣченію. Тогда пригласили знаменитаго въ то время профессора Еф. Ос. Мухина. Последний прѣхалъ на четверть лошадей въ каретѣ съ лѣкаями. Его импозантная наружность, важность манеръ, торжественность встрѣчи и, наконецъ, успѣшность лѣченія—все это произвело глубокое впечатлѣніе на живого и способнаго мальчика, и вотъ на другой же день маленький Пироговъ выдумалъ новую игру: своихъ домашнихъ онъ укладывалъ въ постель, съ важнымъ видомъ и съ манерами Мухина подходилъ къ нимъ какъ больнымъ, смотрѣлъ языки, щупалъ пульсы, назначалъ лѣченіе и съ такою же торжественностью выходилъ изъ комнаты.

Когда Ник. Ив. исполнилось 11 л., отецъ отдалъ его въ пансіонъ Крѣлева. Пансіонъ былъ дорогой, но училъ тамъ хорошо. Здѣсь маленький Пироговъ проявилъ себя живымъ бойкимъ мальчикомъ, который нѣредко получалъ школьныя укрѣпенія въ видѣ сивяковъ на лицо, но въ общемъ обученіе здѣсь шло хорошо, и черезъ два года Ник. Ив. изучилъ русскій и французскій языки; въмѣстѣ ему дался труднѣе. Но тутъ на семью Пироговыхъ посыпались несчастья: умеръ старшій братъ, потомъ замужняя сестра, одинъ изъ братьевъ

запутался въ дѣлахъ, а въ довершеніе всего неожиданно наступило разореніе: изъ за несчастнаго поступка компаніона по дѣламъ отецъ Пирогова потерялъ 30,000 руб. казенныхъ денегъ: домъ, имущество были описаны, наступила бѣдность. Отцу Пирогова пришлось оставить казенную службу, семья—переехать на маленькую квартиру. Въ виду разразающаго несчастья Ник. Ив. былъ взятъ отцомъ изъ дорогого пансіона и, по совѣту того же Мухина, было рѣшено его отдать въ Московскій университетъ. И вотъ 13 или 14 лѣтъ мальчикъ поступаетъ въ число студентовъ Московск. университета.

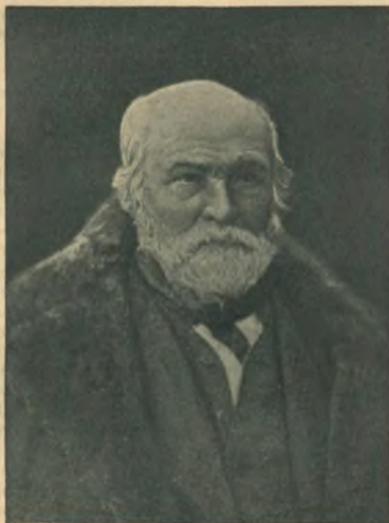
Студенческая жизнь текла легко и привольно. Тогда не было ни попечителей, ни инспекцій въ современномъ намъ смыслѣ: попечитель былъ важный вельможа, мѣднать, покровительствовавшій наукѣ ради чести, а не чиновникъ, опекающій науку за жалованье; инспекторъ былъ изъ профессоровъ, которому интересы студентства были близки... Болтать въ стѣнахъ у—та было можно о чемъ угодно, не было ни шпионовъ, ни наушниковъ: формы студентство не носило, экзамены не было. ..Но при всемъ томъ аудиторій были полны, лекціи слушались внимательно, хотя подборъ профессоровъ оставлялъ желать лучшаго. Не мало было между ними такихъ чудачковъ, которые по ложности были бы немислыми теперь. Ник. Ив. приводитъ цѣлую галерею портретовъ тогдашнихъ профессоровъ, и удивительно патриархальностью вѣетъ отъ его повѣствованія. Вотъ, напр., профессоръ В. М. Котельницкій, читавшій науку о лѣкарствахъ (materia medica); читалъ онъ равнымъ утромъ. Въ у—тъ являлся прямо изъ Охотнаго ряда съ кулькомъ провизіи подъ мышкою. Кулекъ оставлялъ у сторожа, а

самъ влѣзаетъ на кафедру, вынимаетъ очки, платокъ, табакерку, сморкается звучно, съ храпомъ, надвѣваетъ очки, ставитъ передъ собою свѣчку и начинаетъ читать по книгѣ: „Клешевиное (касторовое) масло. Китайцы придаютъ ему горькій вкусъ“...

Затѣмъ кладетъ книгу, похаетъ съ всхрапываніемъ табакъ и объясняетъ:...
— Вотъ, видишь ли ты, китайцы придаютъ касторовому маслу горькій вкусъ“...

Примечъ тутъ китайцы? А дѣло очень, просто: профессоръ не разобралъ: въ книгѣ напечатано: кокида (т. е. сѣмя клешевиноваго растенія) придаетъ маслу горькій вкусъ...

Въ 1827 г. Ник. Ив. кончитъ курсъ. Что далъ ему у—тъ? Да ничего не далъ, по спеціальному образованію въ теченіе университетскаго курса онъ не только не продвѣдалъ ни одной операціи, но даже не видаль операціи ни на живомъ

Николай Ивановичъ Пироговъ.

† 23 ноября 1881 г.

человѣкъ, ни на трущѣ. За то у—тъ воспиталъ въ немъ стремленіе къ наукѣ, вкусъ къ наукѣ. А тутъ подвернулось удивительное академическое совпаденіе обстоятельствъ. Въ томъ же году академикъ Парротъ представилъ проектъ т. н. профессорскаго института. Цѣль этого института была въ въ томъ, чтобы наиболѣе даровитыхъ изъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ русскихъ университетахъ, отправлять сначала въ Дерптъ, а потомъ за границу для усовершенствованія, чтобы затѣмъ сдѣлать ихъ профессорами. И вотъ Ник. Ив. тогда 17 лѣтъ. юноша, былъ отправленъ въ Дерптъ. Специальною онъ избралъ, по какому то несомому институту, хирургію. Въ Дерптѣ Ник. Ив. сталъ заниматься подъ руководствомъ профессора Майера, къ которому онъ всю свою жизнь питалъ чувство глубокаго уваженія и благодарности. Наука въ Дерптѣ стояла высоко, но, что самое главное, научная работа тамъ шла по пробитому руслу, по извѣстной системѣ. А этого то и не было въ русскихъ университетахъ того времени. Ник. Ив. скоро втянулся въ научную жизнь.

Клиника Дерптскаго у—та была мала, плохо устроена, а завѣдывавшій ею проф. Майеръ въ то время былъ уже угнетенъ и, видимо, охлаждѣлъ къ своей специальности, а потому Ник. Ив., не находя для себя широкой дѣятельности въ клинической хирургіи, занялся ревностно въ анатомическомъ театрѣ. Со страстью работалъ онъ на трупахъ, на животныхъ, изучалъ анатомію, знакомился съ операціями. У него былъ дѣльный руководитель прозекторъ Вахтеръ, немного свихнувшійся расудкомъ человѣкъ, но большой знатокъ своего дѣла. За время пребыванія въ Дерптѣ Ник. Ив. написалъ три работы, изъ которыхъ за одну получилъ золотую медаль, а другая послужила ему докторскою диссертациею. Обѣ усердно и талантливою юношѣ заговорили и въ студенческомъ, и въ профессорскомъ кругахъ. Въ Дерптѣ уже сдѣлалось яснымъ, что изъ Ник. Ив. выработается выдающийся специалистъ по анатоміи и хирургіи: обѣ эти отрасли медицинскаго знанія самымъ счастливымъ образомъ соединились въ лицѣ Ник. Ив. Вместо 2 лѣтъ Ник. Ив. провѣлъ въ Дерптѣ пять и за это время онъ научился уважать и немую науку и полюбить ибѣжать за ихъ настоящія и упорно въ научной работѣ. Въ 1833 г. Ник. Ив. съ другими товарищами по профессорскому институту (въ Дерптѣ этотъ институтъ называли Professorsemlugue, т. е. зарплатами профессоровъ) былъ отправленъ за границу, прежде всего въ Берлинъ.

Ник. Ив. занялся, конечно, анатоміей и хирургіей. Наиболѣе выдающимися тогда хирургами были Rust, Diefenbach, Langenbeck, Gräfe; у нихъ то и началъ работать Ник. Ив. Въ своихъ удивительныхъ „Воспоминаніяхъ стараго врача“ онъ даетъ удивительно яркую характеристику корифеямъ тогдашней хирургіи; какъ живые стоятъ они передъ читателемъ со всѣми достоинствами и слабостями. Особенно сильно впечатлѣніе произвелъ на Ник. Ив. Langenbeck котораго онъ называетъ „хирургъ-гигантъ“.

Въ 1835 г. Ник. Ив. получилъ предложеніе занять кафедру хирургіи въ Московск. у—тѣ (что отъѣчало его желанію), но возвращаясь на родину, онъ тѣсно заболѣлъ въ Регѣ, гдѣ ему пришлось остановиться. Болѣзнь протекала тяжело и явилось даже опасеніе за его жизнь, а потому министерство обѣщанную ему кафедру въ Москвѣ передало его сопернику и даже врагу, также члену профессорскаго института, Иноземеву.

Велико было разочарованіе Ник. Ив., когда, оправившись, онъ узналъ, что ему остался не у дѣлъ! Но дѣлать было нечего, и Ник. Ив. возвратился въ Дерптъ къ Майеру. Въ клиникѣ послѣдняго онъ произвелъ нѣсколько блестящихъ

операцій. Немного спустя Майеръ предложилъ Ник. Ив. занять его мѣсто въ Дерптскомъ у—тѣ.

Представленіе Майера прошло чрезъ университетъ. Запретоставило было профессора богословскаго факультета, показавшіе какой то законъ Густава Адольфа, основателя Дерпска. у—та,—законъ, по которому профессоромъ здѣсь можно быть лишь лицо лагерскаго вѣроисповѣданія. Но съ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ на этой струнѣ играть было нельзя, и Ник. Ив. былъ безпрепятственно утверждёнъ въ званіи профессора Дерптскаго у—та. Въ Дерптѣ Ник. Ив. совершенно окунулся въ академическую жизнь: дѣла были поразительно много—однихъ обязательныхъ занятій не менѣе 6 часовъ ежедневно, да кромѣ того онъ самымъ ревностнымъ образомъ работалъ въ анатомическомъ театрѣ; результатомъ его работъ явился рядъ прекрасныхъ трудовъ, обратившихъ всеобщее вниманіе на молодого ученаго въ Дерптскомъ университетѣ.

Научная добросовѣстность, преданность своему дѣлу, наконецъ, отличная теоретическая подготовка,—все это привлекло къ Ник. Ив. студентовъ, и его аудитория была всегда полна, хотя ибѣмкимъ лязкомъ владѣть онъ далеко не блестяще. Въ 1841 г. Ник. Ив. получилъ приглашеніе занять кафедру хирургіи въ медико-хирургической академіи (въ Петербургѣ). Со свойственной ему оригинальною Ник. Ив. выработалъ проектъ учрежденія новой кафедры—госпитальной хирургіи—съ определенною задачею—быть посредствующимъ звеномъ между школою и практическою дѣятельностію больнаго врача. Проектъ былъ принятъ и въ 1841 г. Ник. Ив. перешелъ въ Петербургъ, гдѣ ему поручено было вести дѣла во 2-мъ военно-супрутному госпиталѣ. Осмотрѣвъ отведенное ему отдѣленіе, Ник. Ив. пришелъ въ ужасъ: до того неприглядно было все въ этомъ отдѣленіи. Грязь, вонь, отвратительная обстановка больничныхъ палатъ, primitively устроенныя отхожія мѣста, открывающіяся въ главный корридоръ, сырость повсюду, отвратительный столикъ; колоссальное воровство пинцетовъ, прокустовъ, лѣкарствъ, перевязочныхъ средствъ, невѣжество врачей, грубость прислуги—все это поразило Ник. Ив., хотя и привыкшаго къ убогой обстановкѣ госпиталей того времени. Конечно съ первыхъ же шаговъ Ник. Ив. вступилъ въ борьбу со всѣмъ этимъ темнымъ міромъ, нагрѣвавшимъ себѣ руки на госпитальномъ хозяйствѣ... Начался доносъ. Главный докторъ Лоесциеръ подалъ доносъ на Ник. Ив., выдавая его... даже за помѣшаннаго. Дѣло окончилось однако полною побѣдою Ник. Ив. и онъ въ значительной мѣрѣ устранилъ зло, царившее въ заглавномъ имъ отдѣленіи. Здѣсь дѣятельность Ник. Ив. развернулась уже во всю ширь его талантливой натуры.

Прогрессъ представлялъ проектъ устройства анатомическаго института при академіи; проектъ былъ принятъ, и первымъ директоромъ института былъ назначенъ самъ Ник. Ив., а проректоромъ къ нему былъ назначенъ Венцеславъ Груберъ, впоследствии сдѣлавшійся величайшимъ анатомомъ второй половины XIX вѣка. Въ 1847 г. въ этомъ же институтѣ Ник. Ив. впервые поставилъ рядъ опытовъ съ применениемъ обезболивающихъ средствъ въ хирургіи.

Во время кавказскихъ войнъ Ник. Ив. уже многократно призывалъ обезболиваніе на людяхъ. Въ 1848 г. во время разразившейся въ Петербургѣ холерной эпидеміи Ник. Ив. произвелъ 500 вскрытій холерныхъ труповъ и въ результатъ далъ монографію на тему: „Патологическая анатомія холеры“. Также напряженная дѣятельность Ник. Ив. проявилась и за это время пребываніе его въ Академіи (съ 1841 по 1854 гг.). За это время вышелъ цѣлый рядъ безсмертныхъ его работъ, поставившихъ его наряду съ самыми крупными авторите-

тами анатоміи и хирургіи. Изъ нихъ отмѣтимъ: курсъ прикладной анатоміи, остеопластическая операція на стопѣ, и подвижная гипсовая повязка и особенно „топографическая анатомія“, составленная по срѣзамъ замороженного тѣла. Последнее произведеніе является классическимъ въ полномъ смыслѣ этого слова, давшимъ совершенно новое направленіе топографической анатоміи.

Въ началѣ крымской кампаніи Ник. Ив. по собственному желанію отправился въ Севастополь, гдѣ и провѣлъ около года. Туда онъ ѣхалъ не только какъ знаменитый хирургъ, но и какъ организаторъ женской помощи раненымъ: онъ, при содѣйствіи В. Кн. Елены Павловны, устроилъ институтъ сестеръ милосердія и этиякъ послѣднимъ далъ прочное основаніе организаціи женскаго ухода за больными и ранеными. И здѣсь—въ Севастопольскихъ госпиталѣхъ—онъ наметилъ тѣ же порядки, что въ Петербургскомъ 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ: то же веровство, ту же грядъ, ту же некультурность, но съ тою разницею, что здѣсь все это было на распашку: „страшное это было время; не забыть его до конца жизни“, — говорилъ онъ впоследствии.

Возратившись изъ Севастополя въ 1855 г., Ник. Ив. оставилъ службу въ Медико Хирург. Академіи, гдѣ царившій бюрократическій строй былъ не по душѣ великому хирургу. Вышедшая въ слѣдующемъ (1856) году его статья „Вопросы Жизни“, въ которой онъ излагаетъ свои взгляды на воспитаніе и образованіе, обратила вниманіе всего русскаго общества, и министръ народнаго просвѣщенія Норвѣ предложилъ ему занять мѣсто попечителя Одесскаго, а потомъ Кіевскаго учебнаго округа. Эту должность Ник. Ив. занималъ до 1861 г.: онъ былъ попечителемъ особаго, довольно рѣдкаго у насъ, рода: онъ разрѣшалъ, а не запрещалъ, онъ создавалъ, а не разрушалъ и не препятствовалъ создавать. Но его дѣятельность въ качествѣ попечителя была недолговременна: въ 1861 г. онъ былъ уволенъ отъ этой должности и, уѣхавъ къ себѣ въ деревню—Кіевской губ.—сдѣлался тамъ мировымъ посредникомъ, въ тоже время широко практикуя среди крестьянскаго населенія. Въ 1862 г. Ник. Ив. былъ опять вызванъ на важный постъ по министер. народн. проsv.; ему было поручено наблюденіе и руководство молодыми людьми, отправляемыми въ заграничныя университеты для записки спеціальнаго образованія. Будучи заграничникомъ, онъ написалъ и издалъ (въ Лейпцигѣ) свои „Начала военной полевои хирургіи“ (2 т.) сперва на нѣмецкомъ, затѣмъ на русскомъ языкѣ. Это было классическое произведеніе, положившее начало всей военной хирургіи. Но хотъ постъ министра народн. проsv. занимаетъ графъ Д. Толстой и однимъ изъ первыхъ его распоряженій было уволить Ник. Ив. отъ должности: слишкомъ ужъ не гармонировалъ

великій хирургъ съ направлениемъ новаго министра. Ник. Ив. снова уединился въ свое имѣніе (Вишня), но не надолго. Въ 1870 г. вспыхнула Франко-Прусская война, и Ник. Ив. былъ командированъ на театръ военныхъ дѣйствій для ознакомленія съ постановкою санитарной и медицинской части въ Прусской арміи. Эта поѣздка дала ему многое: во первыхъ, онъ воочию убѣдился, что заложенные имъ начала военно-полевои хирургіи нашли себѣ полное примѣненіе, что тѣ принципы санитарной организаціи, которыя онъ 15 лѣтъ тому назадъ выработалъ и наметилъ во время крымской кампаніи, были осуществлены въ полномъ ихъ объемѣ; во вторыхъ, то вниманіе и то уваженіе, которыя онъ встрѣтилъ по отношенію къ себѣ заграницею, дали полное удовлетвореніе его научно самолюбію: онъ увидѣлъ, что его научная дѣятельность оцѣнена. Результатомъ его поѣздки былъ „Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учреждений въ Германіи и Эльзасѣ-Лотаргиніи“. А черезъ 7 лѣтъ снова зарежались пушки, но уже на ближнемъ востокѣ, и Ник. Ив., тогда уже 64 л. старикъ, опять поѣхалъ съ такою же миссіей на театръ русско-турецкой кампаніи и въ теченіе 5 мѣсяцевъ объѣхалъ все наши главныя госпитали въ Румыніи и Болгаріи. Снова убѣдился онъ въ томъ, что посѣпанное имъ дало осязательные результаты въ смыслѣ улучшенія военно-медицинской организаціи. А съ другой стороны онъ увидѣлъ, какъ высоко стоить его авторитетъ не только среди врачей, но и среди военной администраціи: одно его появленіе въ госпиталѣ служило гарантіей улучшенія всей постановки врачебнаго дѣла. Плодомъ этой поѣздки было два тома работъ: „Военно-врачебное

Николай Ивановичъ Пироговъ
23-го ноября 1881 г.

дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ 1877—78 гг.“ Въ частности, Ник. Ив. убѣдился, что то предубѣжденіе, которое предъ началомъ крымской кампаніи существовало во всѣхъ слояхъ общества (у насъ и заграничней) противъ участія женщинъ въ дѣлѣ ухода за больными и ранеными и противъ котораго онъ возсталъ однимъ изъ первыхъ, теперь уже отошло въ область преданій.

Возратившись съ послѣдней командировки, Ник. Ив. началъ писать автобіографію: уже дряхлый, больной, плохо видѣвшій, онъ воскрешалъ въ памяти пережитое имъ и изъ подъ пера его вылилась настоящая исповѣдь: „Дневникъ стараго врача“, по яркости образовъ, по живости изложенія, по красотѣ слога являющийся однимъ изъ лучшихъ произведеній нашей литературы.

Событіе 1-го марта 1881 г. глубоко потрясло Ник. Ив.: съ этого дня силы его начали замѣтно падать. Но уже напередъ смерти Ник. Ив. еще разъ пережилъ величайшую радость: онъ еще разъ убѣдился, что его жизнь не прожита даромъ. По почину Московск. у-та, 24 мая 1881 г.

было устроено чествование 50 летие научно-врачебной деятельности Ник. Ив. Торжество вышло грандиозным, неслыханным по блестящей обстановке и по количеству участников.

Медицинский мир России и заграницы принял участие въ этомъ чествовании: отдельные общества, отдельные учреждения, высокопоставленные и частныя лица, — все сплослось въ одною чувствъ—уважения къ великому старцу. Городъ Москва единогласно избралъ его своимъ почетнымъ гражданиномъ. А черезъ 5 мѣс. Ник. Ив. тихо скончался отъ раковой олоухи языка.

Въ память Пирогова еще при жизни его было устроено хирург. общество врачей его имени. Были устроены периодические съезды того же имени, сыгравшие такую большую общественную роль въ 1904—05 г.; въ 1897 г. быть открыты памятники Пирогову въ Москвѣ въ Двѣчьемъ полѣ, и въ томъ же году были открыты въ Петербургѣ хирургическiй музей имени *Ник. Ив. Пирогова*.

Такова разнообразная и полная интереса жизнь и деятельность Ник. Ив. Рамки газетной статьи не позволяютъ подробно очертить его заслуги предъ наукою и предъ русскимъ обществомъ. Отметимъ лишь конспективно, что сдѣлано въ этомъ отношенiи Ник. Ив.

Какъ анатомъ, Ник. Ив. былъ, въ сущности говоря, творцомъ хирургической анатомiи, какъ отдельной специальности; въ частности онъ разработалъ важный отдѣлъ перевязки сосудовъ, уценею о фасцилахъ; особенно велики его заслуги въ вопросѣ объ изученiи положенiя полостныхъ органовъ. До него это изученiе производилось на трупахъ, находившихся уже въ периодѣ посмертныхъ измѣненiй (разложени и гниенiе), при землѣ, разумеется, развивающейся газы измѣняли анатомическiя отношенiя, а съ другой стороны нѣкоторые органы въ моментъ вскрытiя, вслѣдствiе соприкосновенiя съ атмосфернымъ воздухомъ, немедленно сѣкались (напр., легкiя). Ник. Ив., предложивъ новый способъ — путемъ распяванъ замороженнаго трупа, далъ возможность изучать положенiе этихъ органовъ въ томъ именно видѣ, въ какомъ ихъ застала смерть. Точнымъ знакомствомъ съ анатомiей большихъ полостей (грудной и брюшной) мы обязаны именно этому способу Пирогова.

Какъ хирургъ, Ник. Иван. оставилъ въ наукѣ неизгладимый слѣдъ. Не говоря объ его заслугахъ, какъ о великомъ операторѣ, нужно отмѣтить, что онъ ввелъ въ жизнь такiе принципы, на которыхъ стоитъ теперешняя хирургiя. Прежде всего, онъ впервые указалъ на то, что въ военной хирургiи первенствующую роль должна играть организацiя, т. е. система плановѣрныхъ дѣйствiй. Сама по себѣ военная хирургiя нынѣмъ не отличается отъ хирургiи мирнаго времени, но внѣшняя обстановка и внѣшнiя условiя военной хирургiи совершенно отличны отъ таковыхъ же мирнаго времени. Главнѣйшiя затрудненiя для военнаго времени сводятся къ скопленiю (иногда огромному) раненныхъ и больныхъ и къ трудностямъ предостеречь это скопленiе. Ник. Иван. съ рѣдкою проницательностью уловилъ эту особенность военной хирургiи и предложилъ свою систему мѣропрiятiй: расквашиванiе и эвакуацiя больныхъ съ театра военныхъ дѣйствiй. Въ результатѣ получилась всѣми признанная теперь система расквашиванiя больныхъ и раненныхъ въ глубь страны. Благодеятельныя послѣдствiя этой системы нечисленны. Далѣе, онъ былъ однимъ изъ самыхъ первыхъ (если не первымъ) поборникомъ участiя женщины въ дѣлѣ ухода и врачеванiя на войнѣ. Нужно было видѣть, съ какими предубѣжденiемъ въ 50 годахъ прошлаго столѣ-

тiя даже лучшiе умы относились къ этому вопросу. Ник. Иван. опровергнувъ это предубѣжденiе. И опять таки послѣдствiя этого были не оцѣнками. —Вся деятельность Ник. Иван. въ клиникѣ была направлена къ выясненiю причинъ и къ устраненiю тѣхъ раненыхъ осложненiй, которыя для прежняго времени были самымъ обычнымъ явленiемъ въ практикѣ хирурга; Ник. Ив. былъ не кабинетный ученый: онъ былъ переносимый клиницистъ и онъ очень близко подходилъ къ мысли о заранеемъ характерѣ указанныхъ раненыхъ осложненiй. Это было плодомъ его гениальной интуицiи, а не результатомъ лабораторнаго изслѣдованiя, но онъ вполнѣ вѣрно понималъ значенiе чистоты, вентиляцiи, изоляцiи госпитальныхъ помѣщенiй и въ этомъ отношенiи является предтечей Pasteur'а и Cister'а. Вводилъ въ хирургическую практику гипсовую повязку, Ник. Ив. оказалъ неоцѣнимую услугу въ дѣлѣ подачи помощи при поврежденiяхъ (особенно конечностей): эта повязка дѣшева, практична, легко выполняется, и сотни тысячъ раненыхъ на войнѣ пользуются ею при перевозкахъ и передвиженiяхъ. А кромя того гниль въ практикѣ хирурга-ортопеда является необходимымъ подспорьемъ, какъ одинъ изъ самыхъ ходовыхъ пластическихъ материаловъ.

Ник. Иван. первый въ Россii ввелъ обезболивающiя средства (эфиръ) и уже этого одного было бы достаточно, чтобы обезсмертить его имя. Но еще одна подробность: Ник. Иван. первый во всемъ мирѣ сталъ изучать обезболивающее явленiе эфира опытнымъ путемъ на животныхъ.

Наконецъ, Ник. Ив. предложилъ т. наз. остеопластическую операцiю стопы: специалистъ, понимаетъ, какъ велико было значенiе этой операцiи — она открыла новую область творчества хирурга, далъ возможность перемѣщать кости изъ одного мѣста въ другое. Остеопластическая хирургiя нашего времени ушла далеко, разрасалась широко, но начало ее нужно искать въ ампутацiи Пирогова.

Какъ педагогъ, Ник. Иван. остается рѣдкимъ у насъ образцомъ руководителя народнаго образованiя — и высшаго, и среднего, и низшаго. Онъ былъ сторонникомъ автономiи учебныхъ заведенiй особенно высшихъ, понимая эту автономiю въ благородномъ значенiи слова; своимъ вниманiемъ и участiемъ онъ озарилъ и убогую долю провинциальнаго учителя. Какъ попенитель округа, онъ не брезговалъ еврейскою школою и, находя въ ней тѣ или другiя достоинства, онъ не стѣснялся громко признавать ихъ. Онъ былъ другъ молодежи: «люблю и уважаю молодежь, потому что знаю свою», говорилъ онъ Киевскимъ студентамъ. Графъ Деляновъ, бывшiй министръ нар. просв., при открытiи памятника Ник. Иван. сказалъ въ прiвѣтственной телеграммѣ: «философъ-педагогъ Пироговъ». И действительно, это былъ попенитель-педагогъ не за жалованье и не попенитель-мешать изъ-за чести, а былъ глубокой психологъ, человекъ съ философскимъ складомъ ума, съ широкимъ горизонтомъ и огромнымъ опытомъ, вынесеннымъ изъ жизни, а не изъ кашчаларiй... Съ такимъ фундаментомъ онъ не могъ быть чиновникомъ, олекаяющимъ образованiе, а онъ былъ человекомъ жизни, понимающимъ основы воспитанiя и образованiя. Не даромъ отечественные педагоги ставятъ Ник. Ив. наравнѣ съ Ушинскимъ.

Наконецъ, Ник. Ив. представляетъ изъ себя выдающагося писателя, хотя о писательскихъ лаврахъ онъ никогда не заболтался. Слогъ его творений — удивительной ясности, отчетливости, классической простоты. Страницы его автобиографiи такъ и просиятъ въ хрестоматию наравнѣ съ лучшими образцами отечественной литературы. А искренность его признанiй во многомъ напоминаетъ откровенность Льва Ник. Толстого...

Такъ вотъ почему имя Николая Ивановича Пирогова всегда будетъ блестяще яркою аждахой въ истории русской мысли наравнѣ съ именами великихъ людей нашего отечества.

Проф. П. Тиховъ.

Н. И. ПИРОГОВЪ ОБЪ УНИВЕРСИТЕТСКОМЪ ВОПРОСѢ.

Поль вѣка тому назадъ университетскій вопросъ былъ столь же острымъ, назрѣвшимъ вопросомъ русской жизни, какъ и въ наше время. Подготовлялась университетская реформа 1863 года. По поводу реформы высказывались различныя мнѣнія профессорами въ отдаленности и in corpore — отъ имени университетскихъ совѣтовъ, почетителями учебныхъ округовъ, публицистами, общественными дѣятелями, иностранными учеными. Высказался и Н. И. Пироговъ. Это мнѣніе Пирогова въ особенности цѣнны и важны. Это мнѣніе объ университетской реформѣ—бывш. университетскаго профессора и при томъ выдающагося профессора, великаго ученаго и при томъ не узкаго педанта, а ученаго съ широкимъ философскимъ міросозерцаніемъ; наконецъ, это мнѣніе чловѣка, занимавшаго высокую должность въ учебномъ вѣдомствѣ—должность почетителя учебного округа и на этомъ служебномъ поприщѣ нагляднымъ образомъ, собственно дѣятельностью показавшаго, что здоровыя начала государственности могутъ и необходимо должны совмѣщаться съ прогрессивными педагогическими идеями.

Исходнымъ пунктомъ служить опредѣленіе университета. Что такое университетъ? Это учебное учрежденіе съ одной стороны, и высшее учебное заведеніе, съ другой стороны. Правда, существуютъ академіи съ ихъ чисто научнымъ характеромъ. Но, по мнѣнію Пирогова, нельзя ни въ какомъ случаѣ отвергать жизненной необходимости соединенія двухъ элементовъ—научнаго и образовательнаго—въ одно цѣлое; нельзя положить и границъ между этими двумя элементами: люди, двигающіе дѣйствительно науку впередъ, естественно, желаютъ сдѣлать и другихъ участниками этого движенія; люди, излагающіе науку, желаютъ быть ея двигателями.

Назначеніе университета, какъ учебнаго учрежденія,—развивать науку, двигать науку впередъ; какъ высшаго учебнаго заведенія, распространять научныя знанія. Для того, чтобы это назначеніе могло быть исполнено, необходимо поставить университеты въ опредѣленные отношенія къ государству и обществу, необходимо надлежащимъ образомъ опредѣлить взаимныя отношенія составныхъ частей университета—профессоровъ и студентовъ.

Отношенія между университетомъ и государствомъ могутъ покоиться или на системѣ бюрократической опеки или на системѣ университетской автономіи. Пироговъ—горячій защитникъ автономіи. Идея автономіи, по его мнѣнію, должна красной нитью проходить черезъ весь университетскій строй; она должна отразиться и на положеніи университетскихъ профессоровъ и на характерѣ университетскаго управленія.

„Автономія и чиновничество не идутъ вмѣстѣ. Ученый, стремящейся къ независимости, это дѣло самое обыкновенное; чиновникъ съ этимъ стремленіемъ немислѣдимъ. Тамъ, гдѣ ученые—чиновники, а ихъ ученики—искатели чина, тамъ сейчасъ родятся такія понятія и отношенія, которыя рано или поздно превратятъ учебное дѣло въ присутственное. Сдѣлавшись чиновникомъ, оно теряетъ свое значеніе. Говорить, что у насъ, при существованіи табелю о рангахъ, вывели одни только университеты изъ этого строя—значило бы унижить образованіе въ глазахъ всѣхъ сословій.—Но имену у насъ, чтобы дать университетамъ настоящую самостоятельность, и нужно оставить ихъ внѣ иерархическаго строя. Пусть свѣтится оттуда. И что общаго имѣть дѣятельность корпораціи, соединенной въ одно цѣлое духовными интересами науки и валивающей на себя нравственную обязанность просвѣщать, съ дѣятельностью другихъ гражданскихъ сословій? *Права этой корпораціи въ свободѣ мысли и слова. Ея сила—въ силѣ правды.*“

Профессора—не чиновники, а университетъ—не бюрократическое учрежденіе. Въ мірѣ бюрократическихъ отношеній необходима строгая субординація, подчиненіе чиновниковъ начальнику. Въ сферѣ научной и просвѣтительной дѣятельности такая субординація немислѣдима. Университетамъ должна быть предоставлена „автономія въ широкихъ размѣрахъ“. Что это значить „автономія въ широкихъ размѣрахъ“?

Это значить, что 1) „каждый изъ нашихъ университетовъ развиваетъ свою дѣятельность на просторѣ и на свободѣ; самъ, по своимъ собственнымъ убѣжденіямъ и привѣсивъ къ мѣстнымъ требованіямъ распределяетъ свой бюджетъ, съ полной ответственностью передъ лицомъ науки, государства и общества; 2) самъ опредѣляетъ вознагражденіе за труды своимъ сочленамъ не по знанію, не по должностямъ, а по личнымъ достоинствамъ и заслугамъ въ наукѣ; 3) самъ доказываетъ, что сумѣлъ оправдать вѣную къ нему довѣренность государства удовлетворивъ всѣмъ требованія науки, въ лицѣ ея представителей; 4) взаимѣ бюрократическаго элемента, съ его формализмомъ, рангами и привилегіями, вносить въ свою жизнь другой, ея родной—научный и духовный, доказавъ тѣмъ, что наука стоитъ у него выше предрасудковъ и самообольщенія“.

Такая автономія въ широкихъ размѣрахъ не должна пугать, она ничего страшнаго съ общегосударственной точки не заключаетъ. По существу же дѣла она безусловно необходима. „Я не перестану утверждать, говоритъ Пироговъ, что въ дѣлѣ духовномъ и нравственномъ, какъ просвѣщеніе, дѣятелятъ его нельзя довѣрять вполнину“.

Профессорской коллегіи должно быть оказано полное довѣріе. А если такъ, то неумѣсто постороннее вмѣшательство во внутреннюю университетскую жизнь, въ частности, неумѣсто начальство почетителя учебного округа надъ университетомъ.

Роль почетителя, по мнѣнію Пирогова, должна заключаться только въ надзорѣ за законностью дѣйствій университетской администраціи.

Церковь на могилѣ
Николая Ивановича Пирогова

въ селѣ Вишнѣ, близъ г. Винница, Подольской губ.

Каково отношение между обществом и университетом? Университет, говорит Пирогов, выражает современное общество, в котором он живет, больше, чем все другие учреждения. Взглянув на университет глубже, можно верно определять и дух общества и все общественная стремления, и дух времени... *Общество видно в университете, как в зеркале и перископии. Университет есть лучший барометр общества.*

Тесная, органическая связь существует и должна существовать между университетом и обществом. Нельзя разрывать ее искусственными иерархиями. Этого требуют интересы общества. Этого требуют интересы университета.

Еще в начале 60-х годов Пирогов писал: «если теперь настало время новой жизни, если правительство убедились, что оно одно не может за всем усмотреть и все сделать для общества, то значить и пришло время поставить наши университеты в другие отношения к обществу; *сдѣлавъ изъ сколько можно больше самостоятельными, нужно изъ еще сдѣлать общественными...* Наши университеты привыкли себя считать до того государственными учреждениями, что все ихъ внимание сосредоточилось на одну подготовку для государства людей с дипломами, званиями и правами на чины, а на пресвященіе края и общества они смотрятъ какъ на дѣло, для нихъ вовсе постороннее... Между тѣмъ прямое назначеніе нашихъ университетовъ—это быть маяками, разливая свѣтъ на большія пространства и потому стоять высоко и свѣтлѣе...»

Вотъ фактъ, иллюстрирующій мнѣніе Пирогова о необходимости тѣсной связи между университетомъ и обществомъ. Въ бытность Пирогова попечителемъ одесскаго учебнаго округа Румельской лицей (впоследствии преобразованный въ Новороссійскій университетъ), благодаря Пирогову, взявъ в свои руки изданіе «Одесскаго Вѣстника». Редактированіе впрочемъ было двумъ профессорамъ лицей. Попечитель Пироговъ пріѣзжаетъ въ новыя редакторы. Они пишутъ ему: Принявъ на себя изданіе газеты, лицей хочетъ доказать передъ правительствомъ, что онъ не понапрасну считается *высшимъ образовательнымъ учрежденіемъ чинаго края, и что въ интересахъ, въ потребностяхъ края ему близки къ сердцу*. Пироговъ, попечитель учебнаго округа, пріѣзжаетъ профессорамъ, какъ редакторамъ газеты. Въ публицистической издѣльности онъ видитъ выполненіе общественнаго долга высшей школы передъ краемъ. Онъ самъ принимаетъ участіе въ этой дѣятельности, дѣлается сотрудникомъ «Одесскаго Вѣстника». Здѣсь между прочимъ помѣщена его блестящая статья: «Быть и казаться».

А вотъ другой фактъ, указывающій, какъ практически осуществлялъ Пироговъ мысль о взаимодѣйствіи между университетомъ и мѣстной жизнью. Первая воскресная школы въ Россіи открыты были по инициативѣ Пирогова въ Киевѣ при Подольскомъ училищѣ. Учителями были студенты Киевскаго университета.

Пироговъ полагалъ, что университетъ въ цѣляхъ просвѣтительнаго вліянія на общество долженъ всѣми способами «обнародовать науку». Онъ указываетъ на важность съ этой точки зрѣнія публичныхъ сѣздовъ научныхъ дѣятелей, гласнаго обсужденія въ печати профессорскихъ лекцій и другихъ способовъ знакомства общества съ университетской жизнью. Такое взаимодѣйствіе между обществомъ и университетомъ весьма важно и для университета. «Въ намѣтъ мало развитомъ обществѣ и особливо провинціальномъ, говорить Пироговъ, всего труднѣе *уберечь университеты отъ апатіи и застою*». Именно живая связь между обществомъ и университетомъ и можетъ уберечь послѣдній «отъ апатіи и застою».

Другое средство противъ «apatіи и застою» — притомъ свѣжихъ силъ въ составъ преподавательскаго персонала. Для постояннаго введенія свѣжихъ постороннихъ силъ Пироговъ рекомендуетъ широкое развитіе института доцентовъ, замѣненіе профессорскихъ кафедръ непремѣнно путемъ гласнаго публичнаго конкурса, сокращеніе слишкомъ длиннаго срока профессорской службѣ, повтореніе выборовъ во истеченіи опредѣленнаго срока...

Наконецъ, еще одно средство противъ апатіи и застою «общественное мнѣніе студентовъ». Пироговъ говоритъ: «мыслимъ автономическій университетъ безъ общественнаго мнѣнія учащихся». Конечно, было бы несправедливо и не научно основывать сужденіе о достоинствѣ профессора только на мнѣніи о немъ аудиторіи, но игнорировать совершенно это мнѣніе нельзя. А потому «въ настоящее время нельзя не допустить слушателей въ нашихъ университетахъ къ заявленію ихъ мнѣній».

«Живая личная силъ» — самое главное въ университетскомъ дѣлѣ. Это прежде всего профессора и другіе преподаватели? Университетскій преподаватель долженъ обладать научнымъ ценомъ. Высшимъ показателемъ цѣны служить ученая степень. Ученая степень необходима. Но обиліе степеней, напоминающее «табелю о рангахъ», бесполезно и даже вредно.

Пироговъ спрашиваетъ: «къ чему служить это болѣе бюрократическое, чѣмъ научное разліеіе ученыхъ степеней: дѣйствительныхъ студентовъ, кандидатовъ, магистровъ, докторовъ, лекарей, докторовъ медицины и хирургіи? Не замѣчается ли въ этомъ разнообразіи стараніе законодателей пріятнѣе болѣе къ существующему чино-іерархическому порядку, нежели къ требованіямъ науки и истиннаго образованія? Наука и специальное научное образованіе чрезъ многосложное и разнообразіе этихъ степеней у насъ ничего не выиграли. Этими затрудняется только вступленіе на учебно-университетское поприще, но образованіе преподавателей науки нисколько не подвигается впередъ». По мнѣнію Пирогова, «ограниченіе числа ученыхъ степеней двумя, степенью кандидата и доктора, составивъющую вѣщую потребность нашего времени».

Потребность эта вопіющая потребность и до сихъ поръ не удовлетворена. И не предвидится ея удовлетвореніе: въ проектѣ новаго университетскаго устава предусмотрены четыре степени: дѣйствительнаго студента, кандидата, магистра и доктора.

Вторая категорія личныхъ силъ — студенты. Кто можетъ быть студентомъ университета? Педагогическій идеалъ Пирогова таковъ: всѣ будущіе граждане, безъ различія званій и состояній, входятъ въ жизнь черезъ общеобразовательную школу — гимназію, потомъ университетъ. Доступъ въ университетъ — свободный. вступительные экзамены неумѣстны; но при выходѣ изъ университета необходимо требовать строгій отчетъ для того, чтобы званія и талантъ отличить отъ невѣжества и безграмотности.

Живая личная сила университета признаны какъ научной и просвѣтительной дѣятельности. Эта дѣятельность прерывается студенческими беспорядками. Гдѣ причина беспорядковъ того положенія, что «университетъ есть лучший барометръ общества». Причина — въ обществѣ, въ общественномъ настроеніи, въ недовольствѣ существующими порядками. Университетъ, какъ вѣрный барометръ общества, лишь показываетъ это недовольство. И «если онъ показываетъ такое время, которое не впривствіи, то за это его нельзя разбивать или прятать, — лучше всетаки смотрѣть и, смотря по времени, дѣйствовать».

Размѣръ газетной статьи не позволяютъ мнѣ подробно изложить взгляды Пирогова по университетскому вопросу.

Ограничусь сказаннымъ. Въ заключеніе замѣчу: взгляды Пирогова на университетскую реформу, высказанные почти полвѣка тому назадъ поражаютъ удивительной свѣжестью мыслей. Кажется, какъ будто они высказаны теперь, въ наши дни; какъ будто они высказаны по поводу новаго проекта университетскаго устава, внесеннаго бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія въ Государственную Думу весной текущаго года. Это свидѣлствуется о широкомъ пониманіи потребностей русской жизни, собственному великому человеку. Это свидѣлствуется и о другомъ: о томъ, какъ медленно, съ какими длинными остановками, поворотами вспять и на окольные дороги, движется колесница россійскаго прогресса.

Проф. I. Малиновскій.

Памяти Н. И. Пирогова и С. А. Муромцева.

Сегодня исполнилось сто лѣтъ со времени для рожденія Н. И. Пирогова и горюкъ дней со времени смерти С. А. Муромцева. Принято чтить ихъ и близкихъ усопшихъ въ эти сроки поминать. И я эти два имени соединяю въ общемъ поминательномъ словѣ, но не изъ за одного случайнаго совпаденія сроковъ, а по другой болѣе серьезной причинѣ.

Пироговъ и Муромцевъ мнѣ кажутся людьми въ высокой степени близкими другъ къ другу.

Я не имѣю въ виду сравненія ихъ научныхъ заслугъ и ихъ талантовъ. Я коротко назову только объ ихъ характерныхъ моральныхъ особенностяхъ, объ ихъ святой святыхъ, какъ общественныхъ работниковъ.

Предъ чѣмъ мы преклоняемся въ Муромцевѣ?

Муромцевъ блестяще охарактеризованъ, какъ другъ учнейшей молодежи какъ нравственный воспитатель. За Муромцевымъ представители адвокатуры признаютъ выдающія заслуги въ смысле подвига профессиональной этики. Муромцевъ крупный земскій и по городскому управленію общественный работникъ. Муромцевъ готовъ откликнуться на всякій общественный починъ, на всякое проявленіе общественной самодѣтельности и самосознанія. Онъ несомненно вѣритъ и другихъ учить вѣрить въ необходимость и силу общественной самодѣтельности. Онъ риторически поклоняется коллегиальности въ работѣ.

Какъ явнѣе всего, Муромцевъ, хотя на короткий срокъ (72 дня), но незабвенный, высочайшій учитель и мудочный менторъ первыхъ шаговъ русскаго народнаго представительства.

Н. И. Пироговъ, конечно, не говорилъ и даже, быть можетъ, и не мечталъ о народномъ представительствѣ, какъ о чѣмъ-то близкомъ. Но во всемъ остальномъ изъ перечисленнаго онъ представляетъ наиинтереснѣйшій, благороднѣйшій примѣръ.

Приведемъ нѣкоторые факты и начнемъ съ области, въ которой раньше совершенно не допускались въ частный починъ, ни общественная самодѣтельность.

Вед. Кн. Еленѣ Павловнѣ, вѣстия сказать, также выдающемуся человеку своего времени, принадлежала мысль организаціи института сестеръ милосердія для оказанія помощи въ Севастопольскую войну. Но руководителемъ и непосредственнымъ вдохновителемъ дѣятельности сестеръ былъ Пироговъ. И руководительство это состояло не въ изданіи приказовъ и не въ требованіи безусловнаго исполненія ихъ, а въ сознаніи такихъ условій, чтобы всѣ силы и прекрасна качества души русской женщины могли проявиться возможно шире и ярче.

И вотъ что пишетъ Пироговъ: „результаты дѣятельности сестеръ доказываютъ, что до сей поры мы совершенно игнорировали чудныя дарованія нашихъ женщинъ. Эти дарованія легко доказываютъ, что

современный женскій поворотъ и тогда уже былъ въ полномъ правѣ требовать своего *raison d'être*. Сестры не только для ухода, но и въ управленіи многихъ учрежденій болѣе одарены способностями, чѣмъ мужчины“...

Яркую благопріятную характеристику заслугъ частной, самостоятельной помощи во время войны мы находимъ у Пирогова и въ отчетѣ по франко-прусскаго войны. — „Частная помощь, пишетъ онъ, въ германской арміи оказала огромное вліяніе... потому, что она была достаточно самостоятельна“...

И. И. Пироговъ сожалѣетъ и о томъ, что во время войны еще военные софисты, но и въ гражданско-административныхъ софистовъ, и въ, значить, достаточнаго вліянія на постановку дѣла со стороны непосредственныхъ работниковъ-врачей, и въ коллегіальнаго обсужденія.

Переведемъ къ изкладамъ и дѣятельности Пирогова въ учебно-воспитательномъ отношеніи.

Съ этой стороны наиболее часто цитируются его соображенія о постановкѣ высшихъ учебныхъ заведеній. Вспомъ наистно, что для нихъ Пироговъ отстаивалъ автономію, широкую самостоятельность въ веденіи дѣла. „Университетъ не можетъ быть не коллегиальнымъ. Автономія воспитываетъ коллегію: она даетъ ей болѣе внутренняго содержанія“. Неотнама Пироговъ не бился, „Есть два надежныя средства противъ него: общественное мнѣніе и хорошей резервуаръ связейъ съ нѣмъ“.

Пироговъ жалелъ самостоятельности и коллегиальности не для однихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Эти два принципа онъ старался принять, хотя, конечно, въ гораздо менѣе полной формѣ, и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ въ отношеніи административномъ, такъ особенно въ учебно-воспитательномъ. Онъ рѣзко критиковалъ порчу начала коллегиальности началомъ бюрократическимъ.

Замѣненіе учительскихъ мѣстъ, по мнѣнію Пирогова, должно производиться не единоличнымъ рѣшеніемъ, а рѣшеніемъ коллегіи и притомъ путемъ конкурса. — Наставникамъ, а не особой инспекціи, должны быть предоставляемы надзоръ за учащимися и рѣшеніе вопросовъ о способѣ изложенія науки.

Знаменитыя циркуляры Пирогова, какъ почитателя учебнаго округа. Они не были безроково-ловными распоряженіями, они были призывомъ къ лучшей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла. Членимъ толчкомъ съ пути рутиннаго въ сторону сознательнаго поворота къ лучшему.

Интересно отмѣтить чрезвычайной важности обстоятельство, что Пироговъ настойчиво рекомендовалъ учебно-воспитательному персоналу не допускать никакихъ дѣтскихъ, которыя имѣли бы характеръ произвола, личнаго усмотрѣнія и настроенія. Это странное дѣло: при немъ въ учащихся „исчезаетъ чувство правды и законности“.

Нужно ла прибавить, что и за преподающими въ начальныхъ школахъ Пироговымъ признавалось право на вѣстную самостоятельность; они также признавались къ сознательному, убѣжденному труду.

Но еще болѣе впечатлѣніе производить тѣ мѣста сочиненій Пирогова, гдѣ онъ спеціально говоритъ о задачахъ воспитанія, объ отношеніяхъ учащихся и воспитателей къ учащимся и воспитуемымъ.

Дѣтѣ видна такая глубина искренней любви къ молодому поколѣнію, такое уваженіе къ человѣческому достоинству, такая вѣра, что „человѣкомъ можетъ быть каждый“, что дѣтства совершенно поанитой восторженнаго любовь учащихся къ Пирогову.

„Жизнь школьника есть такая же самостоятельная, подчиненная своимъ законамъ жизни, какъ и жизнь учителя. — И если дѣти не вѣруютъ ни силъ, ни способамъ нарушать законы вѣщей жизни, то и мы не имѣемъ права беззаканно и произвольно испровергать стольже установленные законы міра дѣтей“. — Преступно мнѣніе, „что съ дѣтскою жизнью нѣтъ надобности много переживать, что ее можно и сжать и расширить, какъ намъ угодно“. — Отды и общество обязаны развивать всецѣло и всесторонне все благое, чѣмъ надѣлялъ дѣтей Творецъ“.

Настолько же интересны и поучительны взгляды Пирогова на участіе общества въ дѣлѣ воспитанія. Пироговъ „признаетъ чуждое общество не падать надержекъ, учредить комитатъ для рас-

пространения просвещения, ознают всех содействовать этому делу*. Всякому должно быть предоставлено право открывать учебныя заведения, национальнныя предубеждения противны, сословныя всего противны.

Пироговъ первый въ Россіи разрѣшил воскресныя школы и въ числѣ первыхъ была школа, разрѣшенная студентамъ Кіевскаго университета.

Пироговъ училъ: „Лучше оказать болѣе доброты и тѣмъ, которые его несправедливо заслуживаютъ, нежели мало доброты влиять заслуживающимъ“.

Тяготы въ короткихъ, весьма недостаточныхъ и далеко неисчерпывающихъ словахъ общественныя идеалы Пирогова.

Какъ видно, Муромцевъ и Пироговъ въ высшей степени близки другъ къ другу.—Муромцевъ продолжатель Пирогова.

Чужде Пирогова не могутъ не чтить Муромцева и наоборотъ.

Национальность и страна, дающія Пироговыхъ и Муромцевыхъ, должны имѣть и непремѣнно будутъ имѣть великое будущее!

Ал. Манушинъ.

Памяти Н. И. Пирогова—педагога.

Сегодня вся культурная Россія объединяется въ чествованіи Николая Ивановича Пирогова,—одного изъ тѣхъ рѣдкихъ представителей челоуѣчества, въ которыхъ съ особенной яркостью выражено совершенство челоуѣческаго духа. Необычайная продуктивность умственной работы въ немъ гармонически сочеталась съ исключительнымъ развитіемъ моральной стороны интеллекта; это сочетание было и максимально дѣятельнымъ,—на благо челоуѣчества и главнымъ образомъ—на благо родины.

Объектомъ работы Н. И. былъ челоуѣкъ,—въ порядкѣ обратной послѣдовательности его судьбы. Начавъ съ работы анатома, Н. И. посвящаетъ себя хирургіи. Все шире и шире раздвигавшаяся дѣятельность на оздоровленіе физически больного челоуѣка не удовлетворяетъ широкихъ запросовъ Н. И. Лечебная и оперативная медицина,—какъ она ни цѣнна для челоуѣка,—все желаннѣе нѣллативна: основная роль въ оздоровленіи челоуѣка принадлежатъ медицинѣ предохранительной,—откуда естественный переходъ къ воспитанію. Объектомъ работы Н. И. становится физически здоровый челоуѣкъ,—но слишкомъ далекий отъ идеала нравственно здороваго челоуѣка,—того идеала, широтой осуществленія котораго обуславливается счастье всего челоуѣчества,—и въ частности нація. Въ этомъ періодѣ работы медицина утрачиваетъ первенствующее значеніе; дѣляю работы остается оздоровленіе челоуѣка,—но въ широкомъ значеніи этого слова; средство къ достиженію этой цѣли является широкій путь охраны и развитія въ челоуѣкѣ всего, что характеризуетъ его какъ высшее существо въ живой природѣ.

Моральный элементъ проходитъ красной нитью во всей дѣятельности Н. И. Въ роли профессора онъ не ограничивается передачей

знаній и умныхъ учащимся; онъ ставилъ себѣ и воспитательную задачу—развитіе добросовѣстности, образцовъ которой онъ былъ и для студентовъ, и для профессоровъ. Съ расширеніемъ дѣятельности усложняется сфера соприсношеній Н. И. съ моральными явлениями жизни, апофеозомъ которыхъ была Крымская война. Она была и колоссальнымъ нарушеніемъ челоуѣчности,—и беспощаднымъ показателемъ культурной отсталости Россіи. Моральный элементъ получаетъ доминирующее значеніе въ интеллектѣ и дѣятельности Н. И. Чтобы вынести родину на путь новой жизни,—пушки были новые люди, нужно было просвѣтить темныя массы, перевоспитать господствующій классъ,—а главное воспитать новое поколѣніе. Главную роль въ осуществленіи этой задачи должна играть не школа; она должна дать средства „къ безконечному развитію всехъ дарованныхъ челоуѣку способностей, всехъ благородныхъ и высшихъ стремленій,—безъ всякой задней мысли и равновременныхъ заботъ о приложеніи“; наука въ школѣ прежде всего должна быть средствомъ къ нравственному развитію: специализация—необходима,—но ей должно предшествовать общечелоуѣческое образованіе.

Въ педагогической дѣятельности Николая Ивановича его личность въ совершенствѣ удовлетворяла требованіямъ, которыя предъявлялись тожеству поставленныхъ имъ идеаловъ жизни, воспитанія и воспитателя. Онъ является не только провидѣнцемъ, но и образцомъ осуществленія принциповъ христіанской гуманности,—уваженія къ челоуѣческой личности,—взрослага и ребенка,—честности въ мысли и въ жизни,—искренности и открытости въ отношеніяхъ къ ученикамъ, учащимся и обществу. Убѣжденіе и живой принципъ были его единственными мѣрами воздѣйствія. Вся его педагогическая дѣятельность была послѣдовательнымъ осуществленіемъ его высокоумныхъ идей,—въ цѣляхъ дать родинѣ „людей и граждан“.

Идеи и методы отца русской хирургіи стали всеобщимъ достояніемъ культурнаго челоуѣчества; память о немъ жива въ умахъ и дѣятельности русскихъ врачей. Идеи же Пирогова—педагога все еще только ждутъ приженія на его родинѣ. Культура передовыхъ народовъ уже создаетъ типъ врача—педагога,—какъ необходимое удовлетвореніе запросамъ современной жизни; долженъ создаться этотъ типъ и въ Россіи. Русскіе врачи должны явиться въ кадры русскихъ педагоговъ; русскіе педагоги должны слиться съ русскими врачами,—одушевленные моральной красотой ихъ общаго великаго предшителя. Пусть хвалебная рѣчь настоящаго дня не будетъ забыта завтра; пусть въ умахъ и сердцахъ всехъ носителей общечелоуѣческой культуры въ Россіи таится путеводной звѣздой образъ русскаго врача—педагога Пирогова; пусть возлѣится этотъ образъ въ живыхъ дѣлателяхъ; тогда живыя Россіи будетъ также снѣтъ, какъ образъ ея великаго сына.

Н. Делеторскій.

Редакторъ Г. Б. Бантовъ.

Издатель Сибирское Товар. Печ. Дѣла.